

Давыденко (Ринейская) Зоя Викентьевна

15.08.1937, д. Замен-Ринья

Семья наша состояла из 4 человек: папа, мама, сестра и я. Жили мы в Парическом районе Полесской обл. Деревня наша находилась в очень красивом месте, среди леса. Вокруг протекала небольшая речушка — отток Березины.

Во время войны наша деревня находилась на территории партизанской зоны. Днем приходили немцы, а ночью партизаны. Мой отец, не успев прийти в 1939 г. с финской войны, ушел обратно защищать Родину. Отца я почти не запомнила, помню только, как моя мама, провожая его последний раз, позвала нас с сестрой и сказала: «Попрощайтесь детки, кто знает, может быть уже и не увидимся...» До сих пор от этого воспоминания накатываются слезы на глаза... Отец с войны не вернулся.

Мы остались одни — моя мама, я и старшая сестра, которой было всего лишь 8 лет. Я мало что помню, т. к. мне было всего 5 лет. Но даже в мою, еще совсем детскую память, навсегда врезались звуки бомбежки, непонятный детский страх и запомнился упавший рядом с нашей деревней подбитый фашистами русский самолет.

В 1942 г. мы переехали в местечко Щедрин, где жила папина сестра. Женщин, которые крепче здоровьем, немцы гоняли рыть окопы. Мама там работала от темна до темна... Мы с сестрой оставались одни.

Однажды был такой случай. Свет нельзя было включать. Его включали только тогда, когда окна завешивали одеялами. Лампочку на день обычно выкручивали. Как-то мы с сестрой попытались включить свет. Она вкрутила лампочку, а я должна была включить выключатель. До этого я играла, нанизывая бусинки на гвоздь, и когда для включения мне понадобились руки, я гвоздик с бусинами взяла в рот. Потянувшись к выключателю, я нечаянно дернулась и проглотила этот гвоздь. Я даже испугаться не успела. Сестра заставила меня лечь, наказала лежать и не двигаться. Мне стало очень страшно. Мама пришла с работ и сестра рассказала, что случилось. Побежав к старосте, она попыталась добиться разрешения отвезти меня к врачу, но так его и не получила.

Назавтра всех готовили к эвакуации... Мама переживала за меня, и староста ей предложил оставить меня здесь, с родными. Но родных у нас не было и меня пришлось взять с собой. Пригнали машины, нагрузили людьми и повезли в Красный Берег. Выгрузили нас около кладбища, где мы ночевали две ночи. Искали детей от 8 до 15 лет и вводили на проверку в лагерь.

Наконец подошел товарняк, нас погрузили в вагоны, закрыв их снаружи на засов. Ехали мы долго, и никто не знал куда. Поезд загнали в тупик и долго там стоял. Потом снова ехали. Так доехали до Польши. Очень хотелось кушать, дети все время плакали от голода. Матери терпели и пытались их успокоить.

В Польше нам помогла одна женщина, полька. Мама немного умела разговаривать по-польски и увидев ее, стала просить дать хоть что-нибудь

покушать детям. Та дала ей немного гороха. Нас это спасло. Мы понемногу размачивали его и ели.

Когда доехали до Германии, нас поместили в лагерь, где каждого сфотографировали с номерком на груди. У меня был Suest 12 147. Потом повели на санитарную обработку. Нас раздели и прогнали по какому-то длинному тоннелю, вдоль которого стояли солдаты и поливали нас со шлангов какой-то ужасно зловонной и жгучей жидкостью. У меня земля уходила из-под ног. Я потеряла сознание. Мама, испугавшись, что меня заметят, подхватила меня на руки, и нас пронесло мимо еще одной беды. Затем всех погнали в лагерь. Там запомнился мне суп из брюквы жуткого вида, да и вкуса тоже. Но нам тогда он казался слаще и вкуснее меда.

Через некоторое время стали приезжать немцы-хозяева и выбирать себе для работ в своем хозяйстве людей.

Нас взял к себе фермер из деревни Немсдорф. У него было очень много скота и работников тоже много: три девушки из Украины, французы, поляки и даже немцы. Там была большая площадка, где под открытым небом находился скот. Мы работали на уборке. Маму увозили в поле на работу, а мы с сестрой помогали убирать за голубями. Мы должны были кормить и убирать за ними. Потом молодняк убирала, пока они еще не научились летать. После их сдавали на кухню и обрабатывали.

Когда наши уже подходили к Германии, хозяин разрешил маме брать нас в поле. Очень часто была бомбежка. Однажды мы убирала брюкву. Налетели самолеты и застрочили пулеметы. Завыла тревога, и все бросились в убежище. В поле было много подвалов, где хранилась брюква и морковь. Но мы с мамой были далековато от убежища и добежать не успевали. Мы увидели большое дерево у дороги и упали под него. Мне казалось, что сердце выскочит из моей детской груди. Вокруг строчили пулеметы. И тут почти прямо на нас летит самолет и строчит, летит прямо под наше дерево! Мама накрыла нас собой, чтобы спасти, а мне вдруг страшнее всего стало от мысли, что вдруг сейчас с ней что-нибудь случится. Я стала вырываться и лезть маме на голову и кричать: «Пусть лучше меня убьет, чем тебя! Что мы будем делать одни?!» Он, казалось, пролетел над самыми нашими головами, так низко, что, конечно, нас увидел. Но почему-то, одному лишь Богу известно, поднялся выше и улетел...

Вскоре пришли американцы и освободили нас. Радости не было предела. В сентябре 1945 г. мы приехали домой. Я пошла учиться в первый класс.

Казалось, теперь все будет налаживаться, война кончилась! Но случилась со мной еще одно несчастье — я заболела малярией. Все равно пыталась ходить в школу. Школа у нас была в доме, где жила учительница. Меня начинала трясти лихорадка, температура поднималась до 40 градусов. Лечились лишь хиной, от которой глаза и тело становились желтыми. Было трудно. Жили мы в бункерах. Тетрадей и бумаги не было. В лесу в немецких бункерах стены были обиты желтой бумагой, которую мы отдирали от стен и

делали из нее тетради. А чернила готовили из ольховых шишек. Так учились первое время, но с годами становилось все лучше.

После семи классов я поступила в техникум легкой промышленности, а по окончании работала на швейной фабрике им. Крупской до 1967 г. Вышла замуж. Мужа после института отправили на работать в г. Добруш. Там прожили 5 лет. Родили детей. Потом опять вернулись в Минск.

Воспоминания очень тревожат. Порой забываешь, а порой трудно уснуть. Я ведь была совсем ребенком. Моя сестра помнит больше. А когда представляешь, как было тяжело матери, одной с нами, совсем еще маленькими детьми, слезы накатываются на глаза.

Все это уже наше прошлое, наша история. Но любая история должна нас учить. Учить ценить мирные дни, радость детства, счастливые улыбки родителей, беззаботную юность, ценить вкус свежего хлеба, ценить мир и ненавидеть войну. Наше поколение застало ужас войны. Застало в самом нежном возрасте, когда так необходимо видеть дом, семью, любовь и заботу. Но жизнь продолжается, и мы должны донести наши, пускай небольшие, но правдивые детские воспоминания нынешнему поколению, чьи воспоминания детства так сильно отличаются от наших! Донести для того хотя бы, чтобы помнить, как в песне поется: «Если мы войну забудем — вновь придет война!» Чтобы их жизнь и детство их детей никогда не омрачили беды и лишения войны!

Волонтер Наталия Зенченко.

Минск, 2010